

Роман СЕНЧИН

ТЁПЛЫЙ ГОД ЛЕДНИКОВОГО ПЕРИОДА

декабрь 2011 – декабрь 2012

ЗА ЧЕСТНЫЕ ВЫБОРЫ

Роман Валерьевич Сенчин

Теплый год

ледникового периода

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7723231

Теплый год ледникового периода. Статьи / Роман Сенчин:

Литературная Россия; Москва; 2013

ISBN 978-5-7809-0162-4

Аннотация

2012 год наверняка будет назван будущими исследователями переломным в истории России начала XXI века. Действительно, именно тогда произошли заметные, не исключено, что и необратимые изменения в общественно-политической жизни страны; Россия шагнула то ли на новую ступень развития, то ли откатилась на столетие назад. Так или иначе, 2012-й выделится на гладком фоне эпохи стабильности или, как еще называют годы путинско-медведевского правления, ледникового периода.

Статьи и заметки Романа Сенчина, включенные в эту книгу, одна из первых попыток не только фиксации, но и анализа произошедшего в стране в ушедшем году, а точнее, с декабря 2011-го, когда перелом стал обретать реальные очертания, по ноябрь 2012-го, когда наметившаяся было политическая весна в России, сменилась новой зимой

Содержание

С утраца	4
Как выдвигали гражданина в президенты	12
С детективной приправой	16
Раб успеха	26
Новое имя в публицистике	29
Если завтра... всё-таки	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Роман Сенчин

Тёплый год

ледникового периода

С утраца

Типа фантазия

Опять разбудили сирены. Нашупал телефон, засветил дисплей. Половина седьмого. Служащие двинулись к офисам... Сколько говорили о Большой Москве, планы всякие публиковали. Ну отстроили её, набили министерствами, комитетами, а центр не разгрузился... Структура государства всё усложняется, штаты бухнут. Недавно видел статистику: сорок восемь процентов трудоспособного населения работает в госструктурах. Из них тридцать два – в Москве.

Сиренят «скорые» и «пожарные». Это давний способ преодолеть пробки. Заказываешь спецавтомобиль и на нем по спецполосе несёшься на работу. Ну, не несёшься, но и не стоишь безнадежно в веренице простых смертных... Лет десять назад, когда почти на всех улицах появились спецполосы, и резко увеличилось число «скорых» и «пожарных», было ощущение, что где-то случилось страшное. Но потом узна-

ли про этот бизнес, привыкли... Иногда президент, премьер, глава МВД требуют прекратить подобный цинизм, устраиваются облавы, но изменений нет. Вообще изменений почти нет ни в чём. Ни в плохом, ни в хорошем...

Оттягивая момент, когда поднимусь, вспоминаю, что снилось. Во сне я шёл по хакасской степи. Хорошо шёл, быстро, не уставая. Загрёбал руками ковыль, как воду. Впереди были синие горы, а под ними, я знал, Енисей. Бешеный, страшный, только что вырвавшийся из щелей плотины... Зачем-то мне надо было туда, к Енисею, к плотине... И не только этой ночью. Часто снится одно и то же. Уже как кошмар воспринимается. Нет, во сне приятно, и я, кажется, всхлипываю от счастья, а вот когда думаю о сне наяву...

Чёртова информация. Уже лет пятнадцать, ещё с той давней аварии на Саяно-Шушенской ГЭС, временами начинают трезвонить, что плотина вот-вот обрушится, что вся она в трещинах; высчитывают, какую территорию затопит. В зону затопления неизменно попадает и та деревенька, в которой живут мои старенькие родители.

Ведь сколько раз специалисты опровергали трезвон, доказывали, что ничего плотине не угрожает, а эти всё парят и парят мозги россиянам... Правда, говорят, что ГЭС работает уже давно на десять процентов своей мощности (алюминиевый комбинат едва способна питать энергией), но это уже другая проблема. Так или иначе, Абакан, Минусинск и окрестные поселения без света почти не сидят. К регуляр-

ным отключениям на час-два давно привыкли.

Что ж, пора. Встаю, потягиваюсь. Суставы хрустят, остатки мышц ноют. Пятьдесят два года, это хоть и немного, но и не юность... В правом боку лежит булыжником печень, над тазом висят переспелыми грушами почки, в груди хрипит и булькает, горло, хоть и бросил курить уже пять лет назад, вечно забито слизью... Впрочем, на вид мне лет тридцать пять примерно. Вообще сегодня сложно увидеть так называемого солидного мужчину. Давно в моде поджарые, стремительные, мобильные. Крупные попросту не выдерживают...

Недавно, к примеру, такой переполох вызвала смерть Первого сверх-вице-премьера Игоря Сечина – прямо во время переговоров о поставках газа в республику Вануату он потемнел и повалился со стула. Сначала подозревали, что это отравление, но в итоге появилось правительственное сообщение, что причиной смерти стала сердечная недостаточность. В народе шепчутся: сильно Сечин переживал, что снова не его выдвинули на пост президента... Теперь обязанности Первого временно возложены на Четвертого сверхвице-премьера Вячеслава Володина.

Включаю приёмник (он у меня традиционно настроен на старое доброе «Эхо Москвы»), начинаю одеваться.

– Этот декабрь убеждает – власть начисто отказалась от здравого смысла! – старческий, но звенящий от возмущения голос Евгении Альбац. – На что власть надеется, совершая эту постыдную рокировку?!

А, повтор вчерашней программы «Полный Альбац», посвящённой выдвижению Дмитрия Анатольевича Медведева на пост президента РФ... Вообще все последние дни об этом только и разговоров в эфире. Информационный повод. А перед этим пару недель обсуждали выборы в Думу. Ничего, страсти, как всегда, схлынут, и всё потечет по-прежнему.

Стараюсь не слушать знакомые до зуда в мозгу слова о беззаконии, угрозе развала страны, требования перемен. Порой Альбац и подобные кажутся мне героями, а порой – наёмниками Запада, как утверждает ТВ. Вопят, вопят о конце России при существующем режиме, но конец всё не наступает и не наступает. Точки невозврата мелькают одна за другой, как столбы за окном поезда...

До работы надо бы с часок посидеть за столом. Уже второй год вымучиваю повесть «Зима» о жизни людей в маленьком приморском городе в несезон. Как им там скучно и одиноко. Но, честно говоря, прозу и не особо тянет писать в последние годы. После того как я получил в 2017 году премию «Большая книга» третьей степени, ко мне стали активно обращаться разные газеты, журналы с предложением писать колонки на любые темы. За исключением экстремистских. Платят неплохо. Правда, я до сих пор пишу сначала на бумаге, а потом уж набираю в ноутбуке. Это отнимает много времени и сил. Надо наконец переучиваться. Вон Александр Андреевич Проханов, ослепнув, продолжил писать на компьютере. Бьёт по клавишам, по-прежнему выпускает по

три романа в год. Скоро должен выйти новый – «Русские в 2024 году», в котором он, по сообщению специализированных СМИ, заглянул в ближайшее будущее страны. Надо будет полистать...

«Полный Альбац» кончается. Теперь повтор вчерашнего (до восьми утра идут повторы) выпуска программы «Трепа-наторы». В прошлом прозаики, а теперь рэперы Захар Прилепин и Евгений Алёхин читают речитативом под электронную мелодию рифмованные тексты на актуальные темы. Тема, конечно, та же, что и у Альбац.

*Вову подменил Дима,
Диму заменил Вова,
Вову подменяет Дима,
Диму заменит Вова снова...*

Конечно, с блистательным тандемом моей поздней молодости (теперь тридцать восемь – сорок лет представляются почти молодостью) Дмитрий Быков – Михаил Ефремов не сравнить, но хоть что-то. А судьбу Быкова и Ефремова повторить вряд ли кто-то захочет... С ума, говорят, сошли они от своего успеха, нанесли во время концерта в Томске друг другу телесные повреждения, бросались на публику, и уже одиннадцатый год пребывают в закрытом психучреждении.

Умываюсь, делаю чашку кофе, возвращаюсь на лоджию, где оборудован у меня кабинет и с недавних пор приходится спать (в комнате жены стоит кровать младшей внучки). По

радио новости.

– ...Главы государств России, Беларуси и Казахстана подписали в Астане договор о едином духовном пространстве... ЦИК объявил окончательные итоги парламентских выборов: партия власти «Мы целое – Россия!» получила пятьдесят один процент голосов избирателей, «Единая Россия» – тридцать два процента, «Справедливая Россия» – шестнадцать и КПРФ – один процент голосов... Министр МЧС Сергей Шойгу и глава Минэкономразвития Эльвира Набиуллина доложили президенту об окончании переселения жителей Спасска-Рязанского, Сапожка, Касимова Рязанской области и Чухломы, Солигалича и Сусанино Костромской области в областные центры. Переселение осуществлено в рамках программы «Оптимизация муниципальных образований России»... Авария на Восьмом российско-китайском нефтепроводе ликвидирована... Сторонники партии «Мы целое – Россия!» объединяются во Всеобщий народный вал, чтобы поддержать Дмитрия Медведева в его борьбе за пост президента Российской Федерации... Тверской суд Москвы признал законным арест на пятнадцать суток оппозиционеров Алексея Навального, Ильи Яшина, Сергея Удальцова, Эдуарда Лимонова, Бориса Немцова, Михаила Ходорковского, которые были задержаны во время несанкционированного митинга на Триумфальной площади...

Ну, Эдуарда Вениаминыча могли бы и отпустить: девятый десяток старику.

– ...Владимир Путин начал подготовку к одиночному восхождению на высочайшую гору мира Эверест, причем Владимир Владимирович намерен отказаться от использования кислорода...

Молодец. Семьдесят два года... Впрочем, на его посту за здоровьем следить не мудрено. А тут, когда каждый день за жизнь борешься. И не только за свою. Жена, сын (но он, правда, неплохо зарабатывает в «Нано-сервис», хоть и младший менеджер), две дочери с их непутевыми мужьями, трое внучат... Младшая привела в восемнадцать лет иногороднего, заявила, что любит, что он гениальный декоратор; мы с женой было возмутились, но потом вспомнили, что и меня она когда-то также привела сюда. Приняли...

Работаю я в газете «Литературное пространство» (раньше называлась «Литературной Россией», но после того как слово «Россия» было официально признано священным, пришлось переименовывать), получаю грошики. Печатный тираж – двести экземпляров. Тридцать два подписчика, остальное пытаемся распространять в розницу. Спасает интернет – зарабатываем на сайте, в основном... Редакция находится удобно, на Цветном бульваре. Правда, с месяц назад здание признали требующим срочного капитального ремонта. Переселили нас в мега-бизнес-центр по соседству. Два кабинетика выделили... Обещали закончить ремонт к первому апреля. Но мне слабо верится.

Лет пять назад мэр Сергей Собянин заявил, что отныне ни

одно здание внутри Садового кольца и в некоторых районах за ним не будет снесено. «Традиционная застройка столицы – единый памятник архитектуры». «Архнадзоровцы» заликовали. Но вскоре дома, в которых проводился капремонт, стали падать. Эксперты объясняли это ветхостью. Наш двухэтажный особнячок не из самых крепких.

И предчувствие меня не обманывает. Вот из приёмника раздается:

– Минувшей ночью рухнули два здания, находившиеся в капитальном ремонте. Одно находилось по адресу Тверской бульвар двадцать пять, другое – Цветной бульвар тридцать два, строение три.

Строение три. Наше... Некоторое время я смотрю на приёмник, не зная, как реагировать. Такая новость, тем более с утра... Потом чувствую, что откуда-то снизу груди поднимается нечто вроде радости. Или просто искреннего оживления. Наконец хоть что-то коснулось лично меня.

7 декабря 2011 г.

Как выдвигали гражданина в президенты

Имя будущего президента РФ нам объявили ещё в сентябре. Правда, не все согласны с кандидатурой: в конце ноября, например, на радиостанции «Эхо Москвы» проводились выборы из числа тех, кто к тому времени чётко заявил о желании участвовать в борьбе (если это можно так назвать) за пост президента. Слушателям предложили выбрать одного из четырёх – Путина, Зюганова, Жириновского и Лимонова. С огромным отрывом победил Лимонов.

Конечно, никто не верит, что Эдуард Вениаминович наберёт сколь-нибудь внушительное число голосов, если выборы с его участием произойдут всерьёз, а не на радио. Но нет и полной уверенности, что в знак протеста против многоразовых кандидатов люди действительно не отдадут ему свои голоса... Да, полной уверенности нет, и потому выдвижение Лимонова обложено непреодолимыми (или всё-таки *почти* непреодолимыми?) препятствиями.

Сначала долго не находилось помещения, где бы можно было провести собрание по выдвижению гражданина Савенко (здесь уж псевдоним Лимонов отмечается, дескать, шутки в сторону) в кандидаты. Одни залы на этот день были заняты, владельцы других просто отказывали. Наконец вроде бы

согласились принять инициативную группу партии «Другая Россия» в одном из корпусов гостиничного комплекса «Измайлово», но ранним утром 11 декабря, как раз за несколько часов до начала собрания, стало известно, что в зале начался ремонт.

Мы с женой Лизой давно решили быть в числе тех пятисот человек, которые подпишутся за выдвижение Лимонова. Не буду утверждать, что мы такие уж идейные сторонники Лимонова-политика, но программа «Другой России», опубликованная летом 2010 года в «Российской газете», фигура самого Эдуарда Вениаминовича нам симпатичны, да и просто интерес подталкивает участвовать – удастся ли ему реально вторгнуться в бюллетень, куда много лет со стороны никого не пускают. И вот отправились.

Жене, чтоб не нервничала, я не сказал, что намеченный для собрания зал срочно закрыли. Дойдём, решил, а там посмотрим... Дошли. Вход загорожен барьерами, за ними полицейские. На просьбу пройти внутрь ответили очень невежливо, не заботясь о репутации гостиничного бизнеса России. На барьерах, правда, висели объявления, что собрание (конференция) отменяется, но мы не успели сказать стражам, зачем нам нужно в гостиницу, как получили резкий от ворот поворот.

Напротив входа стояла группа парнишек. У одного в руках бумажка, сообщающая, что они инициативная группа. Подошли, спросили, что нам делать. Нас повели.

Прямо, направо, вниз по лестнице, через парковку. Вот автобус, и перед ним толпятся люди, змеится очередь. Встали в очередь. Правда, нас тут же, как «граждан со стороны», то есть беспартийных, стали пропускать вперёд, но мы отказались. Интересно было посмотреть.

Очередь была нетягостная, весёлая даже. Парни и девушки, мужчины и женщины, старики собрались не только из Москвы. Питер, Нижний Новгород, Рязань... Прилично очкариков... Кое-кого узнавал. Вот поэт известный, вот музыкант, публицист, учёный-историк... Многие говорили, что вчера специально не отправились на объявленный несанкционированным митинг на площади Революции (к удивлению, обошедшийся без задержаний), чтобы сегодня быть на свободе, прийти сюда и поставить подпись.

Поодаль стояли двое, потом трое очень хорошо одетых, представительных мужчин. Я уж подумал, что это некие спонсоры следят, как отрабатываются вложенные деньги, а потом узнал, что это люди из ЦИК. Наблюдают за порядком выдвижения. Присутствие этих граждан меня лично слегка воодушевило. Если они здесь мёрзнут, то, может, не совсем напрасно мёрзнем и мы... Хотя потом Волшебник наверняка всё равно достанет из шляпы нужного мишку...

Магазинчики вокруг были закрыты, купить воды и чего перекусить оказалось негде. Делились друг с другом.

Наконец очередь дошла и до нас. Три уставшие, но улыбкающие девушки оформляли документы. Ноутбук, принтер,

какой-то, наверное, аккумулятор, чтоб всё это час за часом работало... Переписали паспортные данные, место работы, дали расписаться.

Можно было уходить. Пошли по парковке к лестнице... Я оглянулся на этот автобус и стынущих людей вокруг, и стало так что-то стыдно за то, что такое происходит. Наверное, и в тёплой Африке, в некоем государстве, объявившем себя демократическим, пусть радикального, но всё же пытающегося законно баллотироваться на некий высокий пост вождя маленького местного племени так не унижают.

Кстати, на собрании присутствовали французские журналистки. Они наверняка покажут миру лицо нашей суверенной демократии.

Декабрь 2011 г.

С детективной приправой О фильме «Высоцкий. Спасибо, что живой»

В кинотеатрах страны идёт фильм «Высоцкий. Спасибо, что живой».

Фильм хочется хвалить. По крайней мере потому, что этот фильм снят. Фильм об одной из ярчайших фигур советской эпохи. Фильм есть, он будет существовать, к нему будут возвращаться люди нынешних поколений, его наверняка станет смотреть кто-то из поколений будущих, для кого 70-е-80-е годы XX века покажутся дремучим прошлым. Нет, кстати, благодаря и этому фильму (одному из очень немногих и по форме (технологии), и по содержанию) то время наверняка окажется живым...

«Высоцкий...», это вроде бы не биография Владимира Семёновича. В фильме отображены несколько дней. Гастроли в Узбекистане в июле 1979 года. Кульминация – клиническая смерть поэта. Но по этим дням, наверное, можно представить, что это была за личность, почему о Высоцком помнят и почему его любят.

Вообще кинобиографий у нас снимается ничтожно мало. (Сериалы вроде недавней «Фурцевой» к кинематографу отношение имеют очень далёкое.) Тем более практически нет

фильмов об известных писателях, композиторах, художниках. Помню, в конце 90-х появился фильм «Послушай, не идёт ли дождь» о Юрии Казакове (с Алексеем Петренко и Ириной Купченко в главных ролях), но был показан он так подпольно, что вряд ли многие из почитателей этого писателя знают о его существовании.

Вот в Америке фильмы-биографии – одна из главных отраслей киноиндустрии. Там на экране оживает практически каждый чем-либо замечательный (в любом значении этого слова) американец. Вплоть до талантливового мошенника и самого плохого режиссёра. Не забывает своих замечательных и Европа.

У нас же фильм о Высоцком (спустя тридцать лет после смерти) – фантастическое событие. И не только потому что это фильм именно о нём, о всенародном кумире. Фантастика, что нашлись деньги, чтобы снять о реально жившем человеке, хоть и с уникальной судьбой, но не разведчике, не супермене, умевшем бегать по вертикальным стенам. На фильм о Шукшине, или о Рубцове, о Шнитке, или даже о почти всенародном кумире Викторе Цое денег бы наверняка не нашлось. «Затраты не окупятся прокатом», – ответили бы продюсеры, даже не прочитав сценарий.

Фильм о Высоцком затраты наверняка окупит. Люди идут, залы кинотеатров полны; диски будут покупать, расширенную версию (у нас уже традиция – делать мини-сериал по следам полнометражного произведения) на Первом канале

увидят миллионы... Главное, будут спорить, вспоминать, пересматривать.

В «Высоцком...» есть элементы детектива, сюжет закручен, но, к счастью, в кадре ни разу не появляется пистолет (непременный элемент чуть ли не любого российского фильма последних двадцати лет), нет злодеев, нет даже пресловутого противостояния добра и зла.

На первый взгляд, фильм абсолютно реалистичный, эпоха позднего Брежнева внешне зафиксирована точно. Детали узнаваемы. Нервозность, которая лихорадила застой и в итоге вылилась в перестройку, тоже отмечена создателями фильма...

Актёрские работы в целом (тем более с учётом того, что у нас кинематограф как искусство давно уже при смерти) удачны. Не буду долго рассуждать об актёре, который играет главного героя – этот пока анонимный актёр создал некий образ почти уже уходящего в мир иной человека. И этот человек, обессиленный, больной, зависимый от лекарства, лишь иногда вспыхивает жизнью, показывает нам, что он за личность. В основном же он не участвует в общей суете (а его окружение очень, чересчур как-то, суетливо), даже физически держится на дистанции, и часто выставляет руку, когда к нему слишком близко приближаются. Вообще актёр ведёт себя так, словно очень бережёт свой уникальный (по многочисленным сообщениям создателей фильма) грим. С другой стороны, человек накануне и после своей клинической смер-

ти вряд ли постоянно скачет козлом. . .

Да, окружение главного героя слишком суетливо и бесшабашно. Особенно его доктор (Андрей Панин) и коллега – артист Театра на Таганке (Иван Ургант). Конечно, они переживают за Высоцкого, любят его, но ведут себя в прямом смысле как в цирке. Думаю, это сделано умышленно – на их фоне фигура главного героя выглядит значительно и мудрее. А уж лицедействовать что Панин, что Ургант умеют и любят. (Глядя на них, вспоминалось не стихотворение Высоцкого «Мой чёрный человек», которое стало смысловой основой картины (как объясняли создатели) и в котором есть слова, давшие название фильму, а его иронически-горькая песня конца 60-х «Скажи ещё спасибо, что живой».)

К бесспорным удачам я лично отношу актёрские работы Максима Леонидова, Дмитрия Астрахана и Андрея Смолякова. Тем более что двое первых – в этом фильме едва ли не дебютировали как киноактёры. Хороша и Оксана Акиньшина (она хороша почти во всех фильмах), хотя, честно говоря, играть ей было практически нечего. Этакая почти девочка, которая статично любит (впрочем, и не без одной истерики) Высоцкого и готова ради него на любой подвиг.

В общем, вот так *внешне* «Высоцкий. Спасибо, что живой» – качественный, добротный и – как материально воплощённая в художественной форме память о великом человеке – нужный фильм.

Но в фабуле сценария таится некая неправда, а точнее –

какая-то нелогичность, которая едва не сводит усилия создателей на нет. А может, и сводит. (Я умышленно не стал до написания этой заметки читать рецензии, отзывы в Интернете, чтобы не заразиться чужими мнениями; прочту позже.)

Вот краткое содержание фильма.

В Узбекистане ловят директора филармонии Фридмана (роль его исполняет Дмитрий Астрахан) на левых концертах. Ему грозит срок. Чтобы как-то выпутаться, директор принимает предложение (намёк, который ему понятен) местных кагэбэшников вытащить в республику Высоцкого, устроить ему левые концерты и... То ли арестовать его хотят, то ли ещё что. В общем, посадить на крючок.

Высоцкий очень болен. Он хочет лететь в Париж лечиться, но вместо этого соглашается ехать в Узбекистан. С собой он берёт врача (Андрей Панин), своего директора (Максим Леонидов) и друга-артиста Севу (Иван Ургант). Пока бригада летит, кагэбэшники устанавливают в гостинице прослушку, рассаживают повсюду сотрудников. В общем, целая операция. (Если такими же операциями становился каждый из многих сотен концертов Высоцкого, то становится понятно, почему любая мелочь в СССР была дефицитом – всё шло на слежку.)

Так. Артисты заселяются в гостиницу и тут вдруг обнаруживается, что лекарства (морфин), на котором держится Высоцкий, – нет. И не показано, что врач или директор особенно ищут не совсем уж редкую вещь в Средней Азии в июле

1979 года.

После неудачной попытки купить морфин у врача «скорой помощи» окружение Высоцкого приходит в какое-то наивное отчаяние. Единственный выход – привезти ампулы из Москвы. Звонят девушке Тане – подруге Высоцкого, говорят, где лежит лекарство, требуют срочно вылетать.

А главному герою всё хуже и хуже. Он с огромным трудом отрабатывает концерты...

Не помню, не хочу узнавать, возможно ли было провезти тогда морфин на самолёте без соответствующих документов. Создатели фильма тоже, кажется, копаться в этих подробностях не захотели. Что-то звучит вроде того: «Подойди к такой-то кассе, там сидит такая-то, скажи, что ты артистка, отстала от труппы». Но инструкция заканчивается отчаянным: «Как-нибудь приезжай!»

В итоге Таня летит в грузовом отсеке транспортного военного самолёта.

Естественно, кагэбэшники в курсе ситуации. Зачем-то они хотят задержать Таню, но она ускользает. На частнике едет из Ташкента в Бухару. Но её всё-таки вычисляют. Полковник госбезопасности (Андрей Смоляков) пытается расколоть Таню, вырвать у неё показания, что морфин этот для Высоцкого, а когда она не раскалывается, берёт с неё объяснительную, что наркотик её, и с этим наркотиком отпускает, оставив у себя её паспорт (в финале выяснится, что у него есть также её подписка о невыезде).

Таня добирается до Бухары, отдаёт спасительные ампулы. Вроде бы всё нормально. Но тут у главного героя случается клиническая смерть. (О её причинах в реальности существует множество слухов, которые повторять не буду. В фильме же основная причина – жара, ну и, наверное, общее нездоровье Высоцкого.) Сцена сильная. Но врач показан в ней полным непрофессионалом. Странно, что такого Высоцкий держал при себе. Только после Таниных пощёчин он ставит Высоцкому в шею укол, который помогает сердцу вновь работать.

В кинематографе существует множество вариаций на тему – между жизнью и смертью. Героев куда-то ведут ангелоподобные мальчики, героини летят по светлым туннелям, и так далее. В нашем фильме возвращение героя в жизнь сделано очень точно и пронзительно. Казалось бы, штамп, но он становится едва ли не лучшим эпизодом. Посмотрите сами.

Но – дальше по сюжету.

Кагэбэшники, конечно, слышат, что делается в номере. Смерть Высоцкого приводит их в замешательство. Какие-то их планы рушатся. Да и жалость проступает... Полковник прибегает в гостиницу, но видит, что Высоцкий жив. Он идёт в соседний номер, где живут врач и директор Высоцкого, находит ампулы и изымает их. А вошедшему директору говорит, чтобы они срочно возвращались в Москву.

Перепуганный директор с трудом уговаривает Высоцкого ехать в аэропорт. А там Татьяне без паспорта, конечно, не

продают билет. И происходит ключевая сцена – полковник КГБ советует Владимиру Семёновичу лететь без неё, показывает бумаги, свидетельствующие, что Татьяна нарушила закон. Если Высоцкий в Москве на что-то пойдёт, то её тут же отпустят и вернут ему...

По сути, диалог потрясающий. Две правды, два долга, две силы. Много верных и точных слов. Мурашки бегут... Но – если задуматься...

Во-первых, какой лояльности хотят требовать от Высоцкого, человека, объездившего весь мир, причём без сопровождения людей в штатском, имевшего возможность на сутки смотаться в Венецию... Кагэбэшников пугает, что во время Олимпиады он будет вести себя не так. Как – не так? И перед кем – не так?.. Хоть фильм – художественное произведение, но главного героя зовут Владимир Высоцкий, и воспринимается он всё же реальным Владимиром Высоцким, а не кем-то хоть немного иным...

Во-вторых, шантажируя, кагэбэшник изначально проигрывает. Ясно, что Высоцкий без Татьяны никуда не полетит, а когда поэт показывает чёрные от укулов руки, полковник ломается. Такой уже не отступит. Полковник ищет формальный повод вернуть паспорт, и повод находится: в кабинет вбегает завербованный, но взбунтовавшийся директор филармонии и сжигает корешки от левых билетов. Улик (по крайней мере этих) нет, и полковник отдаёт паспорт, а потом рвёт компромат на Татьяну. Тоже бунтует.

И в-третьих... Вот полковник беседует с Высоцким. «Владимир Семёнович, нарушен закон», – говорит он, и кладёт руку на пачки с ампулами. Да, с этим невозможно не согласиться: закон нарушен. Татьяну должны судить. И всяческие игры с Высоцким отступают на второй план. Кагэбэшники не подстраивали эту перевозку наркотиков, с их стороны никакой подлости не наблюдается. Но в итоге получилось, что если за Татьяной стоит Высоцкий, то закон можно обойти...

Тема «Высоцкий и наркотики» вообще трагическая и нечистая. Помню, несколько лет назад вышел документальный фильм «Владимир Высоцкий. Смерть поэта», мерзковатый фильм, в котором дружки Высоцкого, в том числе и адвокат Падва, рассказывали, как искали для него наркотики, какой он был невыносимый в последние месяцы жизни... Наследники запретили использовать в этом фильме голос Высоцкого, объяснив это тем, что фильм позорит память о нём. Но вот теперь сами (а среди создателей «Спасибо, что живой» и сын поэта Никита) решили сделать наркотики лейтмотивом произведения. Обильно посыпав этот лейтмотив детективной (довезёт Таня ампулы или нет, каким образом потом вывезет её Высоцкий из Узбекистана) приправой.

Кстати сказать, полковник-кагэбэшник, этот дисциплинированный (да и ретивый, в своё время чуть не арестовавший Высоцкого без приказа начальства) боец невидимого фронта, в финале становящийся человеком, обманывает нас, давая понять, что и такие люди меняются. Но, видимо, для это-

го нужно столкнуться с фигурой масштаба Высоцкого. Привези Татьяна наркотик простому смертному, её бы посадили без разговоров и без раздумий...

В который раз хороший фильм губит желание закрутить сюжет. Боязнь, что без закрученности люди на него не пойдут. Вспоминаются простые в сюжетном отношении фильмы «Дорз», «Сид и Ненси», «Контроль», где без детективной приправы, без тамошних кагэбэшников показана трагедия тамошних замечательных людей с гитарами и без гитар.

Вот такие мысли возникли после просмотра «Высоцкий. Спасибо, что живой». А теперь пойду читать, какие мысли возникли у других.

Декабрь 2011 г.

Раб успеха

Гриша. Он же Боря, Толя, Аня

Писатель Григорий Чхартишвили, больше известный как Борис Акунин, продолжает давать информационные поводы говорить о себе. Не так давно он стал одним из вождей оппозиционного движения, а теперь вот признался, что выпускал романы не только под псевдонимом Б.Акунин, но также и Анна Борисова, Анатолий Брусникин. В своём блоге писатель признался:

«..Главный интерес ягоды-брусники и основная интрига заключались в издательско-книготорговом эксперименте.

Меня занимала следующая бизнес-задача. Предположим, есть некий неизвестный писатель, в которого издательство готово серьёзно вложиться, потому что твёрдо верит в перспективность этого автора.

Как действовать? Сколько денег вложить в «раскрутку», чтобы не остаться в минусе? Какие использовать методики? Какова последовательность шагов?

Я поговорил на эту тему тет-а-тет с Яном Хелемским, начальником издательства «АСТ». Мне, помнится, польстило, что он сказал, даже не прочитав рукопись первого брусникинского романа: «Я в игре, мне это очень интересно».

Рекламная кампания была дорожкой, назойливой, агрессивной. Она привела в раздражение литературных критиков, но дело ведь затевалось не для них. По магазинам был разложен миллион брошюр с первой главой романа – это как в супермаркете дают попробовать новый сорт колбасы или сыра. Люди читали образчик – и покупали мой (то есть брусникинский) «Девятый Спас». Стартовый тираж в 250 тысяч, невероятно нахальный для нового имени, был отпечатан одновременно в нескольких типографиях и ушёл за месяц или за два, полностью окупив затраты на рекламу. Все дальнейшие допечатки пошли в чистый плюс. Сейчас суммарный тираж «Спаса», кажется, составляет тысяч шестьсот или семьсот».

Забавно. Правда, возникают вопросы: идут ли такие фокусы на пользу пусть не столь уж серьёзной, но вполне качественной литературе? Да и самому автору? Фокусничая в литературе, не будет ли Григорий Шалвович фокусничать и в политике, к которой в последние месяцы проявляет явный интерес? Раздвоение, растроение, а в случае с Чхартишвили и расцветверение вряд ли действуют на читателей и писателя благотворно. Можно серьёзно относиться к автору детективов и квазиисторических произведений, но для этого нужны причины. Григорий Шалвович же, по-моему, делает всё, чтобы заставить относиться к себе как к клоуну, развлекающемуся выдумыванием псевдонимов, биографий для этих псевдонимов, морфингом. Как-то некрасиво получается.

Хотя в этом расчетверении видна и трагедия коммерческого автора: «Маска «Борис Акунин» приросла ко мне слишком плотно. Увидев на обложке эту фамилию, читатель уже ждал рифмы «розы» – то есть чего-нибудь детективного, остросузетного, в меру познавательного, неизменно игрового.

А если я пробовал свернуть немного в сторону и поменять правила игры, читатель возмущался и начинал говорить, что я его обманул: обещал развлекать и гладить, а вместо этого расстроил и ущипнул. Так было, например, с романами «Пелагия и красный петух» или с романом «ФМ.».

Читатель, как и покупатель, всегда прав. Поэтому я сделал правильные оргвыводы. Решил, что если хочу писать как-то уж совсем не по-акунински, то и назовусь другим именем. Чтoб никого не разочаровывать.

Так возник проект «Авторы» – два виртуальных писателя, не вписывающихся в границы акунинского мира».

Некоммерческий писатель старается написать новую вещь по-новому (правда, часто безуспешно, но тут дело в призвании определённого писателя поднимать определённые темы, и это заложено природой), коммерческий же становится рабом успеха, и чтобы что-то в своём творчестве изменить, выйти за рамки, ему приходится менять фамилию на обложке и прибегать к морфингу. Увы.

Январь 2012 г.

Новое имя в публицистике

Накануне старта предвыборной кампании бывший президент, нынешний (и давнишний) премьер и, по всей видимости, будущий президент Российской Федерации увлёкся литературным творчеством. Активно пробует себя в публицистике. Совсем недавно в «Известиях» вышла одна его большущая статья, а теперь вот, в «Независимой газете», другая, тоже объёмистая. Называется – «Россия: национальный вопрос».

Эту, другую, читать было интереснее, мыслей и идей в ней больше, стиль динамичнее, да и посвящена не России и окружающему миру, а самой России, её внутренним проблемам.

Анализировать статью хочется подробно, поабзацно. Правда, вряд ли это у меня получится. Не специалист я в тех вопросах, которые поднимает и поднимает кандидат в президенты. Например, как анализировать такую идею:

«Во внутренней миграции также важны цивилизованные рамки. В том числе это необходимо для гармоничного развития социальной инфраструктуры, медицины, образования, рынка труда. Во многих «миграционно привлекательных» регионах и мегаполисах эти системы уже сейчас работают на пределе, что создаёт достаточно сложную ситуацию как для «коренных», так и для «приезжих».

Считаю, что следует пойти на ужесточение правил реги-

страшии и санкций за их нарушение. Естественно, не ущемляя конституционных прав граждан на выбор места жительства».

Что значит, например, слово «ужесточение»? И как сохранить «системы» в «миграционно привлекательных регионах», которые «работают на пределе»? Например, пускать на жительство, скажем, в Красноярск из, к примеру, Туруханска лишь талантливых врачей или инженеров, а туруханским алкоголикам селиться в Красноярске запретить? Туруханск-то вряд ли государство «миграционно привлекательным» снова сделать захочет. Для этого деньги нужны, затраты... Но и не пустить алкоголиков в условный Красноярск тоже нельзя, иначе будет ущемление конституционных прав. Если жепустишь, они будут разрушать «системы», которые «работают на пределе». Как быть?

Но нет, не буду анализировать, показывать свою глупость. Хотя анализировать очень хочется.

Вот такая идея не может не спровоцировать на анализ:

«В некоторых ведущих американских университетах в 20-е годы прошлого века сложилось движение за изучение западного культурного канона. Каждый уважающий себя студент должен был прочитать 100 книг по специально сформированному списку. В некоторых университетах США эта традиция сохранилась и сегодня. Наша нация всегда была читающей нацией. Давайте проведём опрос наших культурных авторитетов и сформируем список 100 книг,

которые должен будет прочитать каждый выпускник российской школы. Не вызубрить в школе, а именно самостоятельно прочитать. И давайте сделаем выпускным экзаменом сочинение на темы прочитанного. Или по крайней мере дадим молодым людям возможность проявить свои знания и своё мировоззрение на олимпиадах и конкурсах».

Про движение в ведущих американских университетах – отлично! И про олимпиады и конкурсы тоже. А вот про «список 100 книг, которые должен будет прочитать каждый выпускник российской школы»... Здесь и стиль хромает, и ещё кое-что. Это, как я пытаюсь понять, речь не о школьной программе, а о внеклассном, но обязательном чтении. «Самостоятельно прочитать». Так?

Отбросим первые четыре класса, да и ещё два-три, так как ко времени написания сочинения «на темы прочитанного» ученик забудет детали и имена героев, и скорее всего, сюжет. Хорошо, если фабула удержится в памяти. Значит, в оставшихся четырёх классах параллельно с «Войной и миром», «Тихим Доном» и прочим из программы, параллельно с физикой, химией, разными геометриями, тремя часами физкультуры и так далее, ученику ещё нужно будет вбить в мозг сто книг? Это какой мозг нужно иметь шестнадцатилетнему существу!

Нет, тут всё-таки прослеживается некая несформулированность. Не было редакторского глаза, видимо... А публицист автор статьи начинающий, до недавних пор предпочи-

тающий идеи доносить в устных выступлениях.

Впрочем, Государственная Дума разберётся во всём. Не прошло и нескольких часов с момента публикации произведения «Россия: национальный вопрос», как «РИА Новости» бросило на ленты телетайпов такую информацию:

«Спикер Госдумы Сергей Нарышкин не исключает, что реализация предложений премьер-министра РФ, кандидата в президенты Владимира Путина потребует законодательного оформления.»

По его словам, депутаты Госдумы внимательно изучат предложения, изложенные в программной статье Путина «Россия: национальный вопрос».

«Безусловно, мы внимательно рассмотрим предложения, изложенные премьером в статье, посмотрим, что требует законодательного оформления, какие законодательные инициативы могут быть внесены депутатами, какие – президентом», – отметил Нарышкин в беседе с журналистами в понедельник».

Что ж, для этого мы Госдуму и выбирали.

И в заключение – после прочтения этих двух статей ощущение такое возникло, что сочинил их человек, входящий не только в трудный жанр публицистики, но в политику. Вот, дескать, появился человек со своими идеями, предложениями, и это здорово. Но автор статей занимает высшие должности в государстве уже больше двенадцати лет. И хочется, свернув газеты, спросить: а что он делал до этих публика-

ций?

Январь 2012 г.

Если завтра... всё-таки

Я – писатель. Есть несколько книг, какая-никакая известность. Повести и рассказы ждут в журналах. Интервью берут, и гражданскую позицию имею... Такие писатели сегодня живут не на то, что пишут книги, а в основном на публикации колонок в периодике. Чаще всего редакторы предлагают написать на такую-то тему такое-то количество знаков. Час-другой за компьютером, и готово, можно отсылать. А через две-три-четыре недели получить гонорар.

И вот тут пришло очередное предложение: «Не могли бы написать рассказ (именно художественный текст, в картинках, как вы прекрасно умеете) о революции в России в ближайшее время, как она произойдет и что это будет. Кол-во знаков: от 6000. Гонорар: 10 000 р. Срок: до 15 февраля». Заманчиво. Шесть тысяч знаков, это примерно две страницы двенадцатым кеглем. Нафантазировать что-нибудь поярче.

...Вот мы идём с женой к Красной площади помолодевшие, счастливые, не чувствующие январского (нет, текст напечатает в феврале, значит – февральского) морозца, и вокруг нас тысячи таких же... Или нечто вроде «Из рассказа, который никогда не будет окончен» Леонида Андреева – я собираюсь на улицу, где строят баррикады; жена меня провожает с почти бессловесным сочувствием, дети боятся за меня, но не упрашивают остаться. Сын просит не забыть ру-

жьё. И мне, и им всё равно, за что я буду сражаться: нам важен – момент. *Потом пусть снова рабство, что угодно, важно одно – баррикады...*

Да, нечто вроде того. Шесть тысяч знаков, чуть больше, и в кармане десять тысяч рублей. Сорок килограммов хорошей свинины, или за два месяца долги по всем коммунальным жировкам можно заплатить. Да, заманчиво.

Несколько дней после предложения жил как обычно, но в голове постоянно крутился маховичок, который рождает сюжет. Крутился вхолостую, ни за что не цепляясь; я надеялся на сон, и спал долго, ожидая, что там появится оригинальная картинка революции и послереволюционного мира. Ну, не мира, и даже не России, и даже не Москвы, а хотя бы меня.

А кому нужен именно я? Да и что со мной произойдет? Мало заметную газету, в штате которой я состою и получаю пятнадцать тысяч в месяц, вряд ли закроют, коммунальные платежи вряд ли резко повысят или понизят, сосиски вряд ли исчезнут. Буду жить со своей женой и дочками, как и раньше. Внимательней, наверное, за новостями стану следить, на митинги загляну, чтоб впечатлениями набраться; эмоции наверняка яркие испытаю, иллюзия появится, что не так пуста ежедневность...

Так, а кто может совершить революцию? Ну, допустим, завтра на одну из площадей Москвы придут не пятьдесят тысяч человек, а полмиллиона. И вот эти полмиллиона катятся на Кремль, берут его. Занимают разные важные учрежде-

ния. Президент, члены правительства и прочие разбегаются, прячутся. Ну и так далее. Сценарий революций, в общем-то, всегда одинаков. То Бастилия, то Тюильри, то Зимний, Берлинская стена... Почему бы не штурмануть Кремль?

Так, взяли Кремль. Несколько сотен погибших только распаляют толпу. Вчерашние клерки становятся ненавистниками существующего порядка и остервенело рушат этот порядок. Москва переживает жуткую, но и восхитительную ночь. Пережившие её – никогда её не забудут. Даже я, запертый женой в квартире: «Дети! Подумай о детях!» – испытал небывалое для себя воодушевление. Не отрывался от телевизора, где в прямом эфире показывали этапы рождения новой эпохи... Захотелось написать роман о пробуждении.

Но наступает утро. Происходят попытки сформировать переходное правительство. Кто в него входит? Конечно, герои оппозиции последних лет: Рыжков Владимир, Навальный, Каспаров, Яшин, Удальцов (министр без портфеля), Кудрин (один из лучших финансистов в мире)... Рвётся и Эдуард Лимонов, но ему всё припоминают, все оскорбления, и разрешают митинговать на Триумфальной площади без согласования.

Возглавляет правительство Борис Ефимович Немцов, так как у него есть опыт государственного управления. Он берёт в советники Касьянова...

После триумфальной встречи в аэропорту «Домодедово», Ходорковский начинает возрождать «Юкос», активно зани-

маясь при этом общественной деятельностью.

Возвращается Березовский, заявивший, что Россия сделала правильный выбор; на волне всеобщего ликования ему прощают прошлое.

В Думе и правительстве идёт борьба социалистов и капиталистов, радикалов и постепенников. Удальцов и Зюганов требуют национализации, Немцов и Рыжков убеждают не ломать основы. «Государство невозможно изменить за сутки!» – говорят они.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.